

Хабижанова Г.Б.¹, Менситова Г.И.²

¹д.и.н., профессор, e-mail: gulnara02011966@mail.ru

²магистрант 2 курса, e-mail: mensitova_94@mail.ru

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ У ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Объектом изучения данной статьи являются особенности дуальной системы управления государства тюркских племен Центральной Азии. С этой целью был проведен анализ сведений письменных источников, охватывающих период с истории хунну (III в. до н. э – II в.) до Караханидов (X–XIII в.). Необходимость привлечения данных источников было связано с наблюдаемой устойчивой преемственностью политических традиций. В ходе исследования выявлены их общие черты и характер развития, а также показаны особенности каждого нового периода в истории средневековых кочевников. При этом на первый план среди других вопросов социально-политической истории тюркских народов выделяется институт власти. Проанализированы труды, опубликованные по теме исследования. Выявлена проблема института каганской власти, которая включает: механизмы становления и развития верховной власти, объединение множества разнородных племен евразийских степей, формирование организованной военно-политической системы. Установлены особенности порядка наследования каганской власти с обязательным признанием права наследования по материнской линии.

Ключевые слова: Центральная Азия, кочевники, тюрки, каган, преемственность, власть.

Khabizhanova G.B.¹, Mensitova G.I.²

¹Dr., professor, e-mail: gulnara02011966@mail.ru

²Master degree of the 2nd course, e-mail: mensitova_94@mail.ru

Kazakh national University after Al-Farabi, Kazakhstan, Almaty

Some Features of Establishing the State Institutions among the Turkic Tribes of Central Asia

The object of studying this article are the features of the dual system of government of the Turkic tribes of Central Asia. To this end, an analysis was made of information from written sources covering the period from the history of the Hunnu (3rd c. BC- 2nd c.) to the Karakhanids (10th-12th c.). The need to attract these sources was due to the observed stable continuity of political traditions. In the course of the study, their common features and character of development were revealed, as well as the features of each new period in the history of medieval nomads. At the same time, the institution of power is among the other issues of the socio-political history of the Turkic peoples. The works published on the research topic are analyzed. The problem of the institute of Qagan power is revealed, which includes: mechanisms for the formation and development of supreme power, the unification of a multitude of heterogeneous tribes of the Eurasian steppes, the formation of an organized military-political system. The specifics of the order of inheritance of the Qagan authorities with mandatory recognition of the right of inheritance on the maternal line are established.

Key words: Central Asia, nomads, turks, qagan, continuity, power.

Хабижанова Г.Б.¹, Менситова Г.И.²

¹Т.ғ.д., профессор, e-mail: gulnara02011966@mail.ru

² курс магистранты, e-mail: mensitova_94@mail.ru

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университет, Қазақстан, Алматы қ.

Орталық Азия түркі тайпаларының билік институты қалыптасуының кейбір ерекшеліктері

Бұл мақаланың зерттеу объектісі ретінде, Орталық Азия түркі тайпаларының мемлекетті басқарудың дуалды жүйесінің ерекшеліктері қарастырылады. Осы мақсатта ғұндар тарихынан бастау алып (б.з.д. III ғ. – II ғ.) Қараханидтерге дейінгі (X–XII ғ.) уақытты қамтитын жазба деректер мәліметтері талданды. Аталған деректерді пайдаланудың қажеттілігі, айқын түрде байқалған саяси дәстүрлердің сабақтасытығынын/мұрагерлігінің тұрақтылығымен байланысты болды. Зерттеу барысында олардың ортақ қырлары мен даму сипаты, сонымен қатар ортағасырлық көшпелілер тарихындағы әр жаңа кезеңнің ерекшеліктері көрсетілген. Сонымен бірге түркі халықтарының әлеуметтік-саяси тарихына байланысты өзге мәселелердің арасынан алдыңғы орынға билік институты шығады. Зерттеу тақырыбына байланысты жарияланған еңбектерге талдау жасалды. Қаған билігі институтының басты мәселесі анықталды, ол өз алдына: жоғарғы биліктің қалыптасу және даму механизмдерін, еуразиялық даланың көптеген түрлі этникалық тайпалардың бірлестіктерін, ұйымдасқан әскери-саяси жүйесінің құрылуын қамтиды. Қаған билігінің міндетті түрде аналық жол арқылы мұралану құқығының танылу тәртібінің ерекшеліктері анықталды.

Түйін сөздер: Орталық Азия, көшпелілер, түркілер, қаған, мұрагерлік, билік.

Введение

В настоящее время, феномен власти у народов Центральной Азии в древности и средневековье является проблемой, стоящей в фокусе интереса современных исследователей. Это связано с длительным периодом отрицания в исторической науке наличия государственности в кочевом обществе. Институт власти рассматривался в общем контексте формирования государственности у кочевников. В отечественной исторической науке постепенно формируются новые подходы к изучению указанного вопроса.

Анализ различных аспектов политической власти и государственности проводился в рамках изучения истории кочевников в ряде фундаментальных исследований Н.Н. Крадина, Е.И. Кычанова, А.М. Хазанова, Т. Барфилда, П. Голдена и др. Однако, в этих исследованиях особенности формирования института политической власти кочевых народов Центральной Азии трактовались либо в контексте взаимодействия кочевников с оседло-земледельческими обществами и их влияния на развитие государственности у первых, либо изучение проблемы ограничивалось рамками отдельного исторического периода. Вместе с тем, историографический анализ этих и других исследований конца XX и начала XXI веков позволяет утверждать необходимость дальнейшего научного осмысления накопленных знаний в целях понимания направлений развития политической власти в средневековой истории Центральной Азии. В этой связи весьма

фрагментарным и практически малоизученным остается вопрос об участии женщин в управлении обществом и их влияния на политическую жизнь средневековых кочевых государств. Их роль оценивалась в основном с позиции какого-либо политического события. Исследования последних лет доказывают, что для полноты исторической картины и для выявления такого важного аспекта проблемы как преемственность политических институтов власти у кочевников, целесообразно рассмотреть и эту сторону вопроса, ввиду того, что в истории тюркских народов отмечаются факты, свидетельствующие о наличии дуализма (в смысле передачи власти как мужчине, так и женщине) в системе престолонаследия.

Институт соправителей и система наследования у тюркских племен средневековья

Период средневековья в истории кочевых государств Центральной Азии представляет значительный интерес, ввиду отсутствия или малого количества автохтонных источников. Для реконструкции институтов политической власти, следует отметить особенности брачных отношений, так как власть была связана непосредственно с традицией заключений династических браков. Такой брак обеспечивал преемственность передачи власти наследникам, укреплял межгосударственные союзы, обеспечивал участие супругов в ритуалах и церемониях, укреплял сакральный характер власти. Дуальность в кочевом обще-

стве пронизывала все аспекты политической жизни общества.

В мифологии большинства народов мира мужское и женское начало проявляется на равных в культе Солнца и Луны. Данное явление мы встречаем и у ранних тюрков, и у юэчжи, усуню. Как утверждается в одном из исследований «юэчжи и усунь не были двумя разными объединениями – «государствами», а изначально одно, с двумя разноэтничными половинами и с двумя противопоставленными частями единого космоидеологического комплекса «Солнце-Луна». Это было «гинекократическое» государство лунного рода юэчжи (ути, ати, аси), основанное на материнской форме семейной общины и соответствующего принципа наследования, в том числе династического» (Зуев, 2002: 10). Прямых известий о системе наследования престола, отражающего состояние семьи и общины в объединении юэчжи не имеется. Есть лишь сообщение, что у малых юэчжи названия племен даются по именам матерей. Сам термин «юэчжи» с китайского переводится как «род Луны», а иероглиф «юэ» – означает «Луна». Встречающееся в китайских источниках название «Юэчжи го» означает не только «государство Юэчжи», но и «государство Женщины-Царицы», гинекократическое государство. В этом свете, показательны слова летописца Фань Е в его труде «Хоу Хань Шу»: «Когда царь больших юэчжи был убит хусцами (сюнну, 176 г.), царицей стала его супруга. Она покорила Дася (Бактрию) и властвовала над ней» (Зуев, 2002: 20).

Одним из существенных моментов в структуре политической власти усуней и у сюнну, как последователей юэчжжской традиции, является сосуществование дуальной системы и института соправительства. В китайских источниках приводятся следующие сведения: «Примерно в 167 г. до н. э. сюннуский шаньюй Лаошань направил ханьскому императору дощечку-грамоту, начинающуюся словами: «Рожденный Небом и Землей, поставленный Солнцем и Лунной великий шаньюй сюнну»». В этом титуле четко проступает соотносительность мужского (Небо-Солнце) и женского (Земля-Луна) начал, символизирующих равноправное положение в космосе и аналогичное положение мужской «царской» и женской «царицынской» фратрий в составе династической коалиции в государстве как мини-модели космоса их соправления. Она отражает состояние семьи, находившейся в стадии переходного периода (Алекперли, 2001: 125).

Аналогичная ситуация прослеживается в системе престолонаследия у усуней. Данное явление получило название «братская семья» с принципом наследования «старший брат – младший брат (по линии матери) – племянник (по женской же линии, сын старшего брата)», т.е. принципом совмещения в наследовании мужской и женской линий (Зуев, 2002: 10). Ее важной и видимой частью было соблюдение наследования по коллатеральной линии «старший брат – младший брат» как сыновей одной матери. Следующим звеном в новом поколении был племянник – «младший брат» по женской линии. При этом мужская и женская линии наследования объединяются. У большинства народов власть правителей передавалась от старшего брата к младшему, а затем и к сыновьям старшего брата, причем это отнюдь не было обусловлено отсутствием собственных сыновей. О существовании такой системы наследования у тюрков-туцзюе писал в своем труде Н.Я. Бичурин (Бичурин, 1996: 138).

Исследователь В.В. Трепавлов, пытаясь, проследить идею преемственности «государственной традиции», которая передавалась от сюнну к более поздним кочевым империям, приходит к следующему заключению: «Наличие женской линии правящей власти являлось признаком легитимности власти кагана» (Трепавлов, 2005: 125). Несмотря на постепенное утрачивание женским правящим родом своих позиций, в системе престолонаследия оно также сохранилось. Одним из первых, кто выдвинул гипотезу об участии женщин в политической системе управления тюрков раннего средневековья, является известный исследователь Ю.А. Зуев. Он полагал, что в Тюркских каганатах существовали две ветви власти (рода, клана) Ашина и Ашидэ. Это были две устойчивые брачующиеся линии с доминированием в данном тандеме материнского рода Ашидэ. Представители этого рода занимали высокие должности при кагане, и непосредственно выбирали Великого кагана, выполняя при этом ряд военных (исполнительных функций) (Зуев, 2002: 74–75, 84–89). По мнению Ю.А. Зуева, такая ситуация была характерна и для Уйгурского каганата, где в брак вступали представители из родов Яглакар и Эдиз (Зуев, 2002: 229–236). Замкнутость брачующихся групп отмечена и у киданей, где межклановые браки тюрков соответствовали брачно-партнерским отношениям киданьского клана Елюй и уйгурского клана Сяо в империи Ляо (Крадин, 2007: 178). То же наблюдается у выявленной Т.Д. Скрынниковой дуальной структуре (тюрки и монголы) межэт-

нических браков у кият-борджигинов (Скрынникова, 2012: 387).

Наиболее интересным является информация о дуальности правящих родов у киданей. Особыми были правила заключения брака между двумя родами – Елюй и Сяо. Мужчины императорского рода Елюй обязаны были выбирать себе жен только из рода Сяо, имевшего уйгурское происхождение. Такое правило было, очевидно, предопределено тем, что только в союзе друг с другом, самой надежной гарантией которого и явились обоюдные браки, эти два рода смогли с успехом господствовать в стране (Даньшин, 2006: 25, 56).

Исследователь Т.С. Жумаганбетов в своей статье «Власть кагана в древнетюркской государственной организации» также отметил следующее: «Катун из рода Ашидэ имела сильную политическую власть, и выступала как соправительница, и именно союз этих двух родов делала власть легитимной. На власть кагана мог претендовать только тот, кто по матери происходил из ашидэ, а по отцу, естественно, – из ашина, все остальные считались низкого происхождения. Мы практически не знаем случая, когда к власти приходили отпрыски других брачных союзов каганов, например, с китайскими принцессами (единственный пример каган Чуло). Статус катун-соправительницы подтверждается изображением её на согдийских монетах рядом с каганом. От имени катун писались благопожелания на предметах роскоши, а в дворцовом этикете катун и кагану оказывались равные почести» (Жумаганбетов, 2008: 14–19).

В первую очередь, вышеприведенные сведения подтверждаются данными древнетюркских текстов Кошо-Цайдама. Они аутентичны и имеют первостепенную значимость в раскрытии принципов престолонаследия у древних тюрков. В тексте памятника в честь Кюль-Тегина читаем: «После (Бумын-кагана и Иштеми-кагана) стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами» (Торланбаева, 2007: 55). В одном месте приводятся следующие сведения: «После них стали каганами младшие братья, а потом и их сыновья стали каганами. После того, как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство), надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели (на царство) трусливые каганы, и их «приказные» были также неразумны, были трусливы. Вследствие «непрямоты» (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекания и обмана об-

манывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих (а также) вследствие того, что они (табгач) ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, – тюркский народ привел в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз» (Торланбаева, 2007: 55). Из данного отрывка следует, что отношения старших братьев с младшими были действительно крепкими, а слова «стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами» подтверждают вышеуказанную гипотезу.

Так, М.Р. Дромпп пишет: «о переходе трона в Восточно-Тюркском каганате в 8-ми случаях от старшего брата к младшему, в 3-х от дяди к племяннику, 3-х от отца к сыну, 1-го от племянника к племяннику, т.е. учитывалось родство по матери» (Drompp, 1990: 95), что нельзя сказать о Западно-Тюркском каганате, где власть в основном передавалась по прямой линии «от отца к сыну» (Торланбаева, 2007: 56).

В этнографии особая взаимосвязь дяди и племянника получила название авункулат (от лат. *avunkulos* – «дядя»). Для раскрытия престолонаследия по коллатеральной (боковой) линии следует еще раз остановиться на понятии «братская семья». Выше приводилась цепочка наследования «старший брат-младший брат-племянник (сын старшего брата)». Суть её заключается в том, что как бы ни называлась семья, безусловным оставался тот факт, что при наследовании учитывалась как отцовская, так и материнская линии.

К.У. Торланбаева, выделяя систему авункулокальности в древнетюркском обществе, пишет: «Бильге-каган, став при Капаган-кагане тардушским шадом, неизменно находится в ставке своего дяди, участвует в военных набегах, государственных делах, он ближайший родственник и преемник» (Торланбаева, 2007: 57).

Ряд исследователей считают, что кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более священными и тесными, чем связь между отцом и сыном, так что, когда потребуют заложников, сын сестры признается большей гарантией, чем собственный сын человека, которого хотят связать поручительством. Здесь мы имеем пережиток рода, организованного по материнскому праву, следовательно, первоначального. Племянники были всеправны и пользовались исключительными привилегиями в семье дяди по материнской линии. Реликты этого обычая известны и сейчас. «Согласно казахскому обычному праву, они до трех раз могли

брать у родственников матери любые ценности» (Аргынбаев, 1975: 35). В прошлом у кыргызов племянник по матери на пиршестве у дяди или дедушки мог взять любого коня из его табуна, получить любое угощение. Сохранилась даже пословица «Лучше пусть придут семь волков, чем один племянник (по линии матери)» (Покровская 1961: 52). Данные узы были священны не только в бытовой жизни, но и в системе наследования.

В свою очередь гипотеза двоевластия, высказанная сравнительно недавно, подверглась резкой критике и оказалась предметом спора исследователей-тюркологов. Исследователь В.В. Тишин утверждает, что главным препятствием для развития гипотезы Ю.А. Зуева и наполнения ее конкретно-историческими материалами служило практическое отсутствие данных по этой теме в письменных источниках. Опорой, как указывает В.В. Тишин, могут служить только сравнительно-исторические параллели, а также результаты этнографических и лингвистических исследований. Исходя из этого, нет «причин уверено говорить о дуальной организации родов Ашина и Ашидэ, по крайней мере, о ее существовании в Тюркском каганате в ранний период (VI–VII вв.)» (Тишин, 2014: 29). Он лишь допускает возможность формирования такой системы в начале VIII в.

Преемственность дуальной организации наследования присутствует у тюркских государств позднего средневековья, одним из которых является государство Караханидов. В структуре политической власти Караханидского каганата особое место занимал институт соправительства или так называемая дуальная система. Она выражалась не только в форме разделения политической власти на крылья, на восточную и западную либо в данном случае, в династийной линии на старшую и младшую ветвь. Дуальная система власти была введена караханидами при сыновьях первого кагана – Базыр Арслан-хане и Огулчак Кадыр-хане. Власть в Караханидском

каганате оказалась разделенной между знатью двух карлукских племен: чигилей и ягма. Внешне это выразилось в разделе империи на двести: восточную и западную во главе со своими каганами. Верховным каганом считался восточный каган из чигилей, имевший титул Арслан-Кара-хакан, западный же, младший каган из племени ягма, носил титул Богра Кара-хакан и имел ставку в Таразе, а позднее в Кашгаре. Караханидские соправители носили особый титул «илек», «илик» или «элик», означавший не «хан», а подчиненный хану правитель, государь, властитель (Джуманалиев, 2005: 16).

Заключение

Изложенный материал демонстрирует устойчивые позиции материнской/катунской стороны в правящей коалиции. Дуальная организация тюркского общества была свойственна кочевым обществам и получила отражение в самой основополагающей и консервативной форме проявления социальных отношений в порядке наследования каганской власти. Этот период занял длительное время и определил форму семейной общины, когда отцовская линия наследования не считалась главной, а воспринималась равной материнской линии. Это было связано с тем, что наследование хозяйственной базы (земля, пастбищные угодья, народонаселение, средства производства, скот) составляло фундамент социально-экономических отношений. Система наследования сосредотачивала, все основные рычаги передачи власти над этими жизнеобеспечивающими средствами и управляла правом на власть в масштабах всего каганата. Такая система наследования верховной власти указывает на зависимость каганской власти от реальных генеалогических связей по отцу и матери.

Мақала «Ұлы Дала тарихы мен мәдениеті» мақсатты бағдарламасы аясында орындалды.

Литература

- Алекперли Ф. (2001). Тысяча и один секрет Востока. Том II. Баку.
 Аргынбаев Х.А. (1975). Семья и брак у казахов. Алма-Ата.
 Бичурин Н.Я. (1950). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.
 Джуманалиев Т.Д. (2006). Проблемы преемственности политической власти у кочевников Притяньшанья VII-сер. X века). К новым стандартам в развитии общественных наук в Центральной Азии. А., с.92
 Даньшин А.В. (2006). Государство и право киданьской империи Великое Ляо. Кемерово.
 Drompp M.R. (1990). Supernumerary Sovereigns: Superfluity and Mutability in the Elite Power Structure of the Early Turks (Tu-jue).Сб. науч. трудов, Rulers From the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery, Los Angeles.

- Жумаганбетов Т.С. (2008). Власть кагана в древнетюркской государственной организации. Вестник Челябинского государственного университета, № 34 (135).
- Зуев Ю.А. (2002). Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы
- Крадин Н.Н. (2007). Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-пресс.
- Покровская Л.А. (1961). Термины родства в тюркских языках. Сб. науч. трудов, Историческое развитие лексики тюркских языков. Москва.
- Скрынникова Т.Д. (2012). Древнетюркские корни правящей элиты Монгольской империи. Политическая антропология традиционных и современных обществ: Материалы международной конференции. Владивосток.
- Тишин В.В. (2014). К вопросу о двоевластии в Тюркском каганате. Восток (Oriens), №2. С. 23–33.
- Торланбаева К.У. (2007). Наследование и основы правления у восточных тюрков. Серия общественных наук, №3. С.54-62.
- Трепавлов В.В. (2005). Власть и управление в тюркском кочевом обществе. Тюркологический сборник. Тюркские народы России и Великой степи. Москва.

References

- Alekperli F. (2001). Tysyacha i odin sekret Vostoka. [Thousand and one secret of the East]. Tom II. Baku.
- Argynbayev K.H.A. (1975). Sem'ya i brak u kazakhov. [Family and marriage with Kazakhs]. Alma-Ata.
- Bichurin N.YA. (1950). Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniye vremena. [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. T. I. M.-L.
- Dzhumanaliyev T.D. (2006). Problemy preyemstvennosti politicheskoy vlasti u kochevnikov Prityan'shan'ya VII-ser. X veka. [Problems of the continuity of political power among the nomads Prityanshanya VII-X century]. K novym standartam v razvitiy obshchestvennykh nauk v Tsentral'noy Azii. A., s.92
- Dan'shin A.V. (2006). Gosudarstvo i pravo kidan'skoy imperii Velikoye Lyao. [The State and Law of the Khitan Empire Great Liao]. Kemerovo.
- Drompp M.R. (1990). Supernumerary Sovereigns: Superfluity and Mutability in the Elite Power Structure of the Early Turks (Tu-jue). Сб. науч. трудов, Rulers From the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery, Los Angeles.
- Zhumaganbetov T.S. (2008). Vlast' kagana v drevnetyurkskoy gosudarstvennoy organizatsii. [The power of the kagan in the ancient Turkic state organization]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, № 34 (135).
- Zuyev YU.A. (2002). Ranniye tyurki: ocherki istorii i ideologii. [Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty
- Kradin N.N. (2007). Kochevniki Yevrazii. [Nomads of Eurasia]. Almaty: Dayk-press.
- Pokrovskaya L.A. (1961). Termini rodstva v tyurkskikh yazykakh. [Terms of kinship in Turkic languages]. Sb. науч. трудов, Istoricheskoye razvitiye leksiki tyurkskikh yazykov. Moskva.
- Skrynnikova T.D. (2012). Drevnetyurkskiye korni pravuyashchey elity Mongol'skoy imperii. [Ancient Turkic roots of the ruling elite of the Mongol Empire]. Politicheskaya antropologiya i sovremennyye obshchestva: Materialy konferentsii. Vladivostok.
- Tishin V.V. (2014). K voprosu o dvoeyevlastii v Tyurkskom kaganate. [To the question of dual power in the Turkic kaganate.]. Vostok (Oriens), №2. S. 23-33.
- Torlanbayeva K.U. (2007). Nasledovaniye i osnovy pravleniya u vostochnykh tyurok. [Inheritance and the foundations of rule in the eastern Turks]. Seriya obshchestvennykh nauk. №3. S.54-62.
- Trepavlov V.V. (2005). Vlast' i upravleniye v tyurkskom kochevom obshchestve. [Power and governance in the Turkic nomadic society]. Tyurkologicheskiy sbornik. Tyurkskiye narody Rossii i Velikoy stepi. Moskva.